

ВИКТОР ГАЕВСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1850
ГОД

Виктор Гаевский

**Обозрение русской
литературы за 1850 год**

«Public Domain»

1851

Гаевский В. П.

Обозрение русской литературы за 1850 год /
В. П. Гаевский — «Public Domain», 1851

«В обозрении беллетристического отдела русской литературы за 1850 год, мы намерены коснуться и замечательнейших произведений 1849 года, о которых не было сказано в прошлогоднем нашем обозрении. Но прежде всего мы должны сделать оговорку...»

© Гаевский В. П., 1851

© Public Domain, 1851

Виктор Гаевский

Обозрение русской литературы за 1850 год

В обозрении беллетристического отдела русской литературы за 1850 год, мы намерены коснуться и замечательнейших произведений 1849 года, о которых не было сказано в прошлогоднем нашем обозрении. Но прежде всего мы должны сделать оговорку.

Значительная часть произведений, о которых нам предстоит говорить, была помещена в нашем журнале. Говорить в журнале о произведениях его сотрудников считается некоторыми у нас не совсем удобным: обыкновенно это называется самохвальством, потому что едва ли редакция какого бы то ни было журнала согласится не хвалить этих произведений, а высказать им всю, даже горькую, правду. Без сомнения, нельзя не признать такого убеждения основательным, и, кажется, нет надобности распространяться в доказательствах его истинности. Но как ни неопровержимо оно в сущности, а нельзя не сделать одной оговорки. Если справедливо, что русская литература почти исключительно сосредоточивается в журналах, то каждый из них, отдавая отчет о состоянии нашей словесности, необходимо должен коснуться своего собственного участия в общей литературной деятельности. Исчислим здесь лучших наших повествователей и романистов, действующих в настоящее время, и о которых не может умолчать критик, заговорив о современной русской словесности. Вот они: А-в, Авдеев, *Вельтман*, Гончаров, Григорович, Дружинин, *Загоскин*, Меншиков, *Островский*, *Писемский*, граф Соллогуб, Станицкий, Евгения Тур, Тургенев. Из числа названных литераторов – двое, гг. Островский и Писемский, только в прошлом году появились, а все остальные, за исключением двух, означенных косыми литерами, участвовали трудами своими в «Современнике», в течении литературного периода, о котором нам приходится говорить. Итак, если б нам вздумалось обойти произведения, помещенные в нашем журнале, то осталось бы говорить только о четырех авторах. Мы привели в пример беллетристику, тоже самое повторится и с учеными и с критическими статьями. Само собою разумеется, что говорить о трех литераторах и умалчивать о десяти, не менее замечательных, не значит делать «обзор литературы»: главное достоинство и цель подобных обзоров – полнота или по крайней мере обозначение важнейших, *характеристических* явлений, дающее возможность получить понятие о состоянии всей литературы в данный период. Поэтому, что бы ни говорили люди, мало вникающие в дело, журналы не могут умалчивать о своих сотрудниках, если только в числе их имеют таких, произведения которых носят на себе характеристические отличия обозреваемого периода литературы.

Таковы соображения, обязывающие нас, говоря о замечательных литературных явлениях 1849 и 1850 годов, возобновить в; памяти наших читателей и несколько сочинений, помещенных в «Современнике»: это необходимо, как для полноты обзора, так и для того, чтобы отчасти показать ту долю, которую этот журнал принес – говоря старинным выражением – в драгоценную сокровищницу русской литературы. Мы постараемся при этом, слушая, указывая на достоинства этих произведений, избежать предосудительного самохвальства; и это тем более, будет для нас легко, что большая часть писателей, о которых мы намерены сказать несколько слов, приобрели уже общую известность.

Начнем с романов.

К числу беллетристических произведений 1849 года принадлежит роман писателя весьма заслуженного, с которым давно и коротко знакомы русские читатели. Мы говорим о романе г. Загоскина: «Русские в XVIII столетии». Представляем его содержание.

Эпоха, избранная автором, есть 1711 год, время войны нашей с Турциею. Около неё г. Загоскин хотел сгруппировать как события романические, так и несколько лиц, которые могли бы выразить различные господствовавшие тогда понятия о преобразованиях Петра. Мысль прекрасная; но кто не знает, что во всяком произведении основная мысль получает всю свою важность от той формы, в которой она представлена. Посмотрим, как автор развил эту мысль.

В селе Знаменском, неподалеку от Москвы, живет пожилой окольный Максим Петрович Прокудин. Это человек ума простого, но светлого, души добродетельной; сильно любящий старину, против которой вооружились предпринятые великим царем новые учреждения, он в тоже время неограниченно предан Петру; охуждая всякое нововведение, он порицает его единственно по убеждению в превосходстве старого порядка; но он не фанатик; его убеждения уступают перед доводами.

Действие открывается сценой в селе Знаменском: Прокудин играет в шашки с своим дворецким Кулагой. Из их разговора мы узнаем, что у старого окольного есть сестра Аграфена Петровна Ханыкова и племянница Ольга Дмитриевна Запольская. Эта девушка – героиня романа – принадлежит к числу самых бледных действующих в нем лиц. Живя в Москве, и тетка и племянница поддались заманчивости светской жизни на заморский лад: они носят иностранные платья и ездят на ассамблеи в Немецкой слободе. Все эти подробности описаны в письме, полученном Прокудиным от приятеля его Рокотова, и, без сомнения, должны были возбудить сильное неудовольствие в старом дяде; но более всего оскорбило его известие, что за молоденькой племянницей ухаживает какой-то гвардейский прапорщик. Пока тянется этот разговор, на дворе Прокудина показался проезжий. Это Василий Михайлыч Симской, прапорщик Преображенского полка, заехавший в Знаменское случайно на пути из Петербурга. Первое знакомство старика с молодым офицером очень невыгодно для последнего: его речь, на половину смешанная с иноземными словами, его преданность нововведениям, даже слишком вежливое обхождение, – все не нравится Прокудину. Однако, по русскому обычаю, гость принят ласково, напоен, накормлен и чем-свет уезжает в Москву. Очевидно, Симской заезжает так, ни за чем. В Москве мы опять видим его в доме своего дяди Данилы Никифорыча Загоскина, в ту самую минуту, когда тот увлеченный духом времени, выбрил себе бороду, – событие очень важное, послужившее причиною слез для почтенной супруги Загоскина, источником удовольствия для племянника и поводом к довольно скучным толкам о бороде. Оставшись наедине с Симским, Загоскин объявляет ему о предстоящей в тот вечер ассамблее у немца Гутфеля. Прапорщик в восторге, который заставляет дядю догадаться, что немецкие вечеринки чересчур по сердцу молодому племяннику; это наводит его на подозрение, не приглянулась ли Симскому какая ни будь красоточка, а Симской тотчас же создается, что ему полюбилась молодая девушка, по имени Ольга Дмитриевна, которую он уже встречал на ассамблеях Гутфеля. Дядя рассказывает ему, что эта Запольская – племянница Прокудина, у которого Симской ночевал накануне.

На вечеринке, Симской встречается с Ольгой Дмитриевной. Читатель может легко догадаться, что молодые люди нравятся друг другу; они краснеют от самых темных намеков, танцуют вместе довольно часто; но для любви необходимы препятствия....

Прокудин приезжает в Москву и останавливается у приятеля своего Рокотова. Дело было об масленице, и к хозяину съезжаются гости на блины: идут совершенно посторонние толки об учреждении Сената и других нововведениях. Когда же Рокотов и Прокудин остаются одни, первый сватает за Ольгу приятеля своего князя Шелешпанского, богатого недоросля лет сорока. Как ни сильны доводы Рокотова, Прокудин не очень поддается на его предложение и, отложив свое решение до другого времени, отправляется к сестре своей Ханыковой, с намерением взять от неё свою племянницу. Между тем у Ханыковой в гостях Данила Никифорыч Загоскин, который, от имени Симского, просит также ольгиной руки.

Едва Ханыкова успела посоветовать Загоскину обратиться прямо к Прокудину, как является сам Максим Петрович. Встреча его с Загоскиным, обрившим себе бороду, немало удивляет старика; снова идут толки о преобразованиях петровых; но дело доходит и до сватовства. Разумеется, Прокудин отказывает напрямик, потому что, не может ждать ни добра, ни счастья для своей племянницы от родства с онемечившимися людьми. Приятели расстаются в совершенной ссоре.

Весть об отказе сильно поразила Симского; с горя он идет гулять и дорогой встречает своего однополчанина Мамонова, присланного в Москву забирать на службу недорослей из дворян, которые под разными предлогами от неё отбывают. Приятели заходят в квартиру Мамонова, где встречают сваху Игнатьевну, потому что Мамонов, между делом, забавляется сватаньем. Слово за словом, речь заходит об Ольге. Сваха под секретом рассказывает, что она просватана за князя Шелешпанского. Такое известие окончательно поражает Симского, и он отправляется из Москвы на войну, но при самом выезде встречает дорожный возок, в котором сидели Прокудин и Ольга.

В тоже самое утро Мамонов, знакомый уже с Ханыковой, приезжает поздравить ее с помолвкой Ольги за князя Шелешпанского, но тут же вспоминает, что имя этого недоросля помещено, в данном ему от Сената списке, в числе лиц, укрывающихся от службы. Известие о таком неожиданном сватовстве очень не по сердцу Ханыковой, и Мамонов обещает поймать Шелешпанского. Разговор их происходит в присутствии Ардальона Михайлыча Обинякова. Так как этот Обиняков и доносчик, и крючок, и сплетник, то он, в надежде чем-нибудь поживиться, тотчас же отправляется к Шелешпанскому и объявляет о грозящей ему беде. Недоросль в отчаянии, а Обиняков, настраивая его достаточно, предлагает свои услуги и обещает скрыть его от поисков Мамонова. Хитрость Обинякова очень проста: у Шелешпанского под Москвою несколько деревень, и стало быть ему нетрудно будет переезжать из одной в другую и таким образом избегать своих сыщиков. Разумеется, Обиняков не преминул за такую услугу взять с князя несколько денег.

Этим оканчивается первая часть.

Прокудин с племянницей живет в деревне. Рокотов, о святой неделе, приезжает к Максиму Петровичу снова сватать князя Шелешпанского за Ольгу. Прокудин отговаривается, ссылаясь на то, что Запольская не хочет выходить замуж, и признается, что она вздыхает по Симском. Рокотов, в надежде поколебать непреклонность старика, бранить все ассамблеи и немецкий образ жизни и решается на хитрость: в присутствии Ольги, он рассказывает, что Симской на ком-то женится. Запольская, встревоженная, уходит в свою комнату; Прокудин, нежно любящий свою племянницу, боится за её здоровье, а Рокотов, очень довольный своей выдумкой, возвращается в свою деревню. Действительно, хитрость его удастся: через несколько дней Ольга, оскорбленная неверностью любимого человека, изъявляет согласие выйти за Шелешпанского. Наступает Фомина неделя. Все готово к свадьбе. Все Знаменское на ногах. Ждут жениха. Наконец приезжает и он, встречаемый торжественно свитой Прокудина и всеми крестьянами. Шелешпанский, выпив целую ендову инбирного меду и скушав фунтика три изюму, выходит проветриться за ворота, в сопровождении дворецкого Кулаги. Вдруг они замечают, что кто-то едет по московской дороге. Это служилые люди. Князь Шелешпанский, боясь, что они именно его-то и отыскивают, прячется в овинной яме. Между тем в комнате Прокудина происходит другая сцена: туда является начальник воинской команды, Мамонов, с требованием выдать князя Шелешпанского. Свадьба расстраивается, потому что, несмотря на убеждения Рокотова, Максим Петрович слышать не хочет о женихе, который укрывается от своего долга.

Но что делает Симской? он болен и живет в городе Сороке у богатой вдовы Смарагды-Хереско. Красавица кукона влюблена в него; но он продолжает любить свою Ольгу, хотя и уверен, что она давно уже стала женою Шелешпанского. Едва оправившись от

болезни, Симской отправляется в действующую армию; ни любовь, ни мольбы Смарагды не могут удержать его; они только подвергают его лишним опасностям. В кукону Хереско влюблен бояр Алеско Палади, который видел молодого гвардейца и поклялся убить его. Приготовляясь к отъезду, Симской отправляется в город, по на возвратном пути встречает цыганский табор. В то самое время, как молодая цыганка гадает ему, раздается выстрел, и пробитая насквозь шляпа слетает с головы Симского: этот выстрел сделан бояром Палади. Но чудом спасенный Симской отправляется в армию. Здесь он получает поручение отвезти Сенату тот знаменитый указ, которым великий царь, окруженный под Прутом турецким войском, повелевал своему народу не исполнять его повелений, если б они присланы были из плена. Дорогой, Симской, по совету своего провожатого, заезжает в дом Смарагды Хереско, где сталкивается с бояром Палади. Этот, конечно, хочет тотчас же убить его, но едва успевает достать пистолет, как в ворота входит турецкий ага. Он велит отправить пленного в главный лагерь. Между тем Смарагда умоляет Палади спасти Симского; она даже клянется выйти за ненавистного бояра, лишь бы жив был милый ей русский. Палади соглашается; он освобождает пленного; но в ту же минуту снова является турецкий ага, который догадывается об измене хитрого бояра: Палади на том же месте падает её жертвой, а Симского немедленно отсылают в лагерь. В это время с турками был заключен мир, и визирь, думая, что Симской отправлен в Москву с указом о скорейшем сборе податей, отпускает его.

В Москве Симской, узнав от Мамонова, что Шелешпанскому, просватанному на Ольге, грозит опасность быть насильно взятым на службу и даже лишиться всего своего имения, объявляет об этом Прокудину. Максим Петрович, тронутый великодушием молодого человека, соглашается выдать за него Ольгу, которая, разумеется, в восторге, что Симской остался ей верным. В заключение, мы узнаем, что и Смарагда Хереско вышла за Мамонова.

Таков остов нового романа г. Загоскина. Читателям известно, что г. Загоскин, владеет хорошим слогом, которого правильность прекрасно соединяется с увлекательным балагурством, совершенно русским. Прекрасный слог составляет главное достоинство и нового произведения его, о котором мы не будем распространяться: вдаваться в подробности значит повторять то, что много раз было сказано о прежних произведениях того же автора; а он со времени появления «Юрия Милославскаго» нисколько не изменился в своих литературных произведениях: те же достоинства, столь любимые читателями, те же недостатки, даже построение романа тоже самое.

К 1849 году принадлежит роман «Три Страны Света», соч. Н. Некрасова и Н. Станицкого. Мы можем сказать о нем только следующее: кроме трех тысяч экземпляров, отпечатанных в журнале, «Трех Стран Света» разошлось еще до тысячи экземпляров, отпечатанных отдельно, и так как требования еще продолжают, то авторы ныне приступили к новому изданию своего романа.

Кроме участия в романе «Три Страны Света», г. Станицкий напечатал в 1849 и 1850 годах рассказ «Жена Часового Мастера» (Совр. 1849, № II), повесть: «Пасека» (Совр. 1849, № XI), рассказ «Необдуманый Шаг» (Совр. 1850, I) и рассказ «Капризная Женщина» (Совр. 1850, № XI).

Одним из самых ревностных деятелей на поприще беллетристики, если не в прошлом, то в два предшествовавшие года, был г. Вельтман. В 1848 и 1849 годах он окончил свой многотомный роман «Саломея» и напечатал несколько частей своего нового романа «Чудодей».

Г. Вельтман так давно известен в русской литературе, что теперь казалось бы совершенно лишним предлагать характеристику его таланта; но мы решаемся высказать ее, особенно потому, что начало и блистательнейшая пора авторской деятельности г. Вельтмана слишком отдалены от современности, так что, можно думать, без оскорбления его достоинств, едва ли большинство читателей сохранило отчетливое воспоминание об его первых произведениях, заслуживших ему известность.

Затейливость воображения – вот в двух словах главнейшая черта таланта г. Вельтмана. Действительно, если вы не забыли содержания произведений его; «Кашея бессмертного», «Странника», «Святославича-вражьего питомца», «Сердца и Думки», «Александра Филипповича Македонского», то вы помните, что в них всего более поражала нас затейливость вымысла, доходившая даже до причудливости. Г. Вельтману почти исключительно нравится мир сказочный, – мир, где воображению разгул привольный. Наша почти фантастическая старина, так доступная для сказки, была особенно ему приятна. И не только в романе, а даже в исторических и филологических догадках и заметках, разбросанных в разных сочинениях, г. Вельтман никогда не мог избавиться от исключительного преобладания своего воображения над всеми другими способностями. Зато, вспомните, какие невиданные и неслыханные узоры вышивало оно на канве старины и сказки!

Как узоры, выведенные талантом несомненным и замечательным, они часто бывали прекрасны; но, увы! совершенства нет ни в чем. Какой-то умный человек сказал, что избыток, также, как и недостаток, иногда служить признаком слабости; другими словами, сделать более, чем нужно, тоже, что.?. сделать слишком мало. Эти слова, которых справедливость часто оправдывается на деле, как нельзя лучше могут быть приложены к чрезмерной затейливости г. Вельтмана.

Задача искусства – воссоздание действительности. Спрашивается, достаточно ли одного воображения для выполнения этой задачи? Конечно, нет.

Воображение есть простая, общая всем людям способность творить образы, для создания которых материалом служат природа, действительность. Первоначальная деятельность воображения заключается в отражении форм действительно существующих предметов. Отпечатлевая на себе эти предметы, воображение, при помощи памяти, удерживает полученные впечатления и даже возобновляет их по прошествии долгого времени. В этом случае образование впечатлений может быть сравнено с действием дагерротипа, где видимая форма предметов, отпечатлеваясь на металлической пластинке, удерживается на ней постоянно. Но этим непосредственным творчеством или отражением предметов не ограничивается работа воображения. Оно, при помощи ума, сочетает (комбинирует) отпечатленные и удержанные на нем памятью образы, увеличивает и уменьшает их, сравнивает подобные и противоположает различные, для того, чтобы из этого сочетания создавать новые образы. Это – творчество посредственное. Образы, созданные воображением в этой сфере деятельности, уже не составляют точного отражения действительности: она является в них измененною. Таким путем составилась весь запас образов, начиная от так называемого фигурного языка до фантастического мира, этого миража действительности, где образы существующих предметов до того увеличены и уменьшены, так изменены и сплетены между собой, что часто теряют всякое подобие с своими первообразами. Это сфера вымысла.

Возражение, как ясно доказывает сотворенный им мир фантастический, есть едва ли не самая ненасытная из всех человеческих способностей. Оно всегда неутомимо-деятельно. Все доводить до крайности есть его наслаждение, и нет такой крайности, которой бы достигнуть оно не отважилось: как будто непрерывная производительность только более раздражает, чем удовлетворяет его. Таково оно в жизни практической, в искусстве, в литературе. Но если такова прихотливость, необузданность его, то очевидно, что его одного недостаточно для поэтического творчества, которое требует красоты, меры в созданиях, тогда как в одиночестве ему всегда легко дойти до чудовищности. Очевидно, что поддаться исключительному его преобладанию значит распроститься с здравым смыслом и вкусом.

В общежитии постоянно, а в литературной критике очень часто смешивают воображение с фантазией, между тем как их различие существенно важно при оценке поэтических произведений.

Фантазия не создает образов: она в искусстве тоже, что начало жизни в органической природе. Как в природе ни одно тело не может производить, если нет в нем этого начала, так в искусстве без фантазии художественное творчество недостижимо.

Она есть способность высшая, которой вся творческая сила заключается в оживлении произведений всех прочих душевных способностей, в возведении этих произведений, на степень созданий художественных; потому она составляет исключительную принадлежность художника и предводит всеми остальными душевными способностями. Все они соединяются для того, чтобы помочь её проявлению. Воображение дает ей созданные им образы; ум приносит ей мысль, выработанную им из познания действительности; при деятельности фантазии он уже не ограничивается, как при изолированной деятельности воображения, одним комбинированием: мысль его является не отрывочною, не разрозненною), а столько стройною и целою, на сколько сам он в познании мог приблизиться к единству, неразрушимому порядку и последовательности природы. Память вызывает весь сохраненный ею запас впечатлений. Чувство согревает вымышленные воображением образы и наблюдения ума. Вкус полагает меру образам и чувству. Даже самая воля, затронутая на деятельность, не перестает возбуждать к ней все прочие способности до тех пор, пока не достигается цель работы, предпринятой под предводительством фантазии.

При таком-то дружеском участии способностей производятся художественные создания и фантазия вливает в них свою силу, силу жизни. Эти создания, носящие на себе образ и подобие действительности, уже составляют не просто материально-верное отражение её: нет, они сами по себе полны жизни и истины; они до того похожи на действительность, что им недостает, так сказать, только составных химических частей материи, чтобы стать действительными существами.

Пусть даже погрешит при этом творчестве иная способность, – жизненность, влитая фантазиею в создание, спасет его от смерти, заставит забыть ту или другую неверность. Так пусть от незнания истории римляне Шекспира не похожи на римлян древних: они люди возможные, а человеку, как говорит Гёте, пристала и римская тога; пусть холодны, почти бестелесны жители дантова ада: это также люди. И Шекспир и Дант – поэты-художники: в рождении их созданий участвовала животворящая сила фантазии, а не одно воображение. Их создания полны жизни, тогда как дети воображения – большею частью младенцы мертвые, или младенцы-уроды.

Эта творческая фантазия, составляющая необходимую стихию таланта поэтов-художников, только редко встречается у писателей второстепенных, у так называемых беллетристов. Участие её в их творениях бывает заметно только в подробностях, в изображении отдельных характеров, сцен, картин природы, и никогда в целом.

Этой-то фантазии не находим мы и у г. Вельтмана или, пожалуй, находим ее только в слабой степени. У него из целого хора способностей, которым, как мы видели, у поэтов-художников предводит фантазия, впереди всех идет воображение. Воображению помогают память и наблюдательность ума; но чувство и вкус всего чаще отсутствуют. Оттого, несмотря на множество прекрасно обрисованных частных, непрерывно попадаются характеры эксцентрические, совершенно небывалые, неестественные, а главное – из всех его произведений ни одно не скреплено одною рельефною мыслью, не проникнуто глубоким, горячим чувством, жизненностию фантазии.

Г. Вельтман часто впадает в невероятное, но зато редко выкупает его истинностию своих характеров и еще менее выдерживает он их от начала до конца. Воображение его, в порывах игривости, засыплет вас подробностями, часто удачными, образами красивыми, но в тоже время утомит вас своею плодовитостию, оскорбит вкус ваш неестественностию и причудливостию.

После этого по возможности краткого определения таланта г. Вельтмана, мы скажем несколько слов о самых «Приключениях».

Из числа достоинств их на первом плане стоит мастерская отделка некоторых эпизодов и второстепенных характеров. Она свидетельствует как об изобретательности автора, так и об его наблюдательности. В этом отношении особенно замечательны изображения лиц, принадлежащих к простонародью, купечеству и бедному классу военного сословия.

Далее обращает на себя внимание разговорный язык, местами до такой степени верный, так хорошо подслушанный в действительности, что не веришь, будто читаешь писанную, а не слышишь умную речь человеческую. Если бы не излишняя натянутость, если бы не желание смастерить иногда неудачную остроу и не ложность в изображении некоторых характеров, препятствующая самой естественности разговора, то в отношении к языку очарование было бы полное.

Не можем не похвалить также намерение автора как вообще обнять по возможности во всей полноте круг той действительности, с которою соприкоснулись приключения двух главных героев его романа, так и в частности очертить деятельность всех участвующих в нем лиц. От этого роман принял вид сборника иногда очень живо набросанных отдельных биографий, сшитого двумя большими нитями приключений двух главных героев. Это напоминает несколько манеру знаменитого Лесажа в его «Жиль-Блазе»; но г. Вельтман умел остаться в этом отношении самобытным. Его отступления, излагаемые не в виде однообразных описаний и рассказов, а в целом почти непрерывном ряде сцен, часто очень живо занимают читателя. Не будь иногда опять той же лишней плодовитости, эти биографические драматизированные очерки не были бы утомительны. При их множестве и длине, нельзя иногда удержаться от досадного чувства, когда автор своевольно, единственно из за того только, что его воображению хочется погулять там, где оно еще не гуляло, отвлекает вас от главной нити рассказа. Загляните в романы Вальтер-Скотта. Он также останавливается на всех подробностях, которые попадают на пути его рассказа, он также не пропускает случая заставить вас присутствовать при каждой сцене, которою может обрисовать изображаемые им характеры, или эпоху описываемого события; но никогда вы не чувствуете утомления. Вы оканчиваете одну главу его романа на самом любопытном месте, где вам так сильно хотелось знать, что будет с действующими лицами; но великий романист вдруг отрывает вас от них и переводит в общество других людей; вы сперва досадуете за это на автора; но эти другие люди были оставлены вами также в занимательном положении, и вы без сожаления гонитесь за ними до тех пор, пока, утомленные физически и никогда нравственно, не доходите до конца романа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.